

Августа 12 (25)

Священномученик Иоанн (Никольский)

Священномученик Иоанн родился 4 января 1878 года в селе Ляцково Бежецкого уезда Тверской губернии в семье псаломщика Михаила Никольского. По окончании Тверской Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника к одному из сельских храмов Кимрского уезда¹.

В 1929 году власти обязали о. Иоанна привезти к 10 ноября на государственный хлебосдаточный пункт 25 пудов ржи. Священник в это время был в отъезде. Получив повестку 12 ноября, он на следующий же день привез рожь на хлебосдаточный пункт и был арестован за то, что опоздал на три дня. Суд приговорил священника к конфискации всего имущества и ссылке за пределы Кимрского района².

В Твери у о. Иоанна жил двоюродный брат, протоиерей Василий Владимирский, и священник решил переехать с семьей туда. Святой архиепископ Фаддей назначил о. Иоанна служить в Рождественскую церковь. В это время ОГПУ арестовало в Твери наиболее достойных священников и осудило их на заключение и ссылку, среди них и о. Василия Владимирского. Семьи арестованных оказались без поддержки, и оставшиеся на свободе священники старались чаще посещать их. Отец Иоанн стал чаще бывать у семидесятидвухлетней супруги о. Василия, Надежды Николаевны, у которой не было никого из родных. ОГПУ отметило частые посещения квартиры находящегося в тюрьме священника и решило арестовать о. Иоанна.

29 января 1933 года он был арестован и заключен в Тверскую тюрьму. Доказательств его виновности у ОГПУ не было никаких, и следователь попытался заполучить их через соседей Надежды Николаевны, но безуспешно. Только через полтора месяца, 14 марта, о. Иоанн был вызван на первый допрос. Следователь спросил, как он относится к советской власти.

– Как человек верующий, – ответил о. Иоанн, – я считаю советскую власть Богом поставленной, и ей следует повиноваться не только за страх, но и за совесть. Причин быть враждебным советской власти я не вижу. Она дала право гражданам свободно исповедовать свою религию, верующим дала возможность организовываться в общины, оградила их права определенными законами и инструкциями. Повиновение советской власти я считаю своим долгом и веду себя как священнослужитель и как гражданин строго в рамках законности, чтобы не принести вред государству и не подвергать себя опасным взысканиям.

– Но в душе-то вы все-таки враг советской власти, – заметил следователь.

– Да, временами я чувствую обиду, – ответил священник, – но не на советский закон или власть, а на представителей низших органов советской власти, которые, проводя политику высших органов власти, незаконно притесняли меня. Но я подавлял в себе чувство обиды и покрывал его христианским терпением и покорностью или обращался за защитой к высшим органам власти, и не напрасно.

Следователь спросил, с какой целью он посещал квартиру Владимирской, не читал ли он там газет, как комментировал то, что читал, и не было ли в это время посторонних в квартире. Отец Иоанн ответил:

– Владимирский – мой двоюродный брат; как родственник, не имея других знакомых в городе, я заходил к нему, а когда его выслали, заходил к его жене, интересуясь, что пишет брат и как себя чувствует.

На следующий день о. Иоанн в камере написал заявление прокурору по наблюдению за органами ОГПУ. Он писал: "При допросе 14 марта следователь Агафонов показания мои записал кратко и иногда неточно, чем искажается их смысл, при подписании протокола допроса лишил меня возможности сделать оговорку... Следователь очень интересовался, читал ли я в доме Владимирского газеты. Я пояснил, как и было, что, когда хозяйка занята была домашними хлопотами и я оставался один, я читал, что попадало под руку, книги или газеты. Непродолжительные разговоры наши вращались больше около личности ее мужа, теперь умершего. Вести какие-либо разговоры о политических событиях не располагали ни обстоятельства, ни обстановка. Письма от Владимирского получались все тревожные: его обокрали, оставшись без теплой одежды, он студился, хворал, окончательно слег и помер. Жене его, убитой горем и в слезах, было не до посторонних разговоров. К квартире Владимирских прилегают три квартиры, отделяющиеся от нее легкими переборками и занятые посторонними жильцами. Кто же решится в такой обстановке устраивать чтение газет и обсуждение их в смысле критики политики существующей власти, на чем так настаивает гражданин следователь? Кто еще ходит к Владимирской, я не знаю. Случалось, что при мне заходили к ней по своим делам незнакомые мне женщины и, поговорив, уходили. Следователь Агафонов сказал мне, что в деле есть еще показания свидетелей о том, что в мае месяце мы трое: я, Флоренский и Владимирский, в квартире последнего читали газеты, делали какие-то политические выводы, злорадствовали; другое показание, что я где-то говорил о пришествии антихриста, о близкой кончине мира. Следователь не опросил меня по содержанию этих показаний, отказал мне дать очную ставку, между тем эти показания, если только они есть в деле, чисто провокаторские или корыстные... По показанию свидетеля, дело было в мае прошлого года. Владимирский в это время был уже в исправительно-трудовом учреждении, а Флоренский в 1930 году выехал из Калинина и не бывает здесь...

Уверяю Вас, гражданин прокурор, что показания мои вполне искренни, и прошу сделать распоряжение, чтобы Тройка при обсуждении моей виновности, считалась с моими показаниями, написанными моею рукою, а не показанием, записанным неточно с моих слов следователем. Прошу Вас еще дать мне возможность иметь очную ставку со свидетелями, дававшими обо мне показания заведомо ложные. Виновным себя в антисоветской пропаганде я не признаю, тем более что я давно поставил себе жизненным правилом быть в стороне от политики..."³

Заявление это не было принято во внимание, и 26 апреля Тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам ссылки в Казахстан. Через три дня тюремным этапом о. Иоанн был отправлен в Алма-Ату⁴.

Отец Иоанн вернулся на родину в Тверскую область в 1936 году, незадолго до наступления новых гонений. Несмотря на все преследования, заключения в тюрьмы и ссылку, он не оставил служения Богу и Церкви и был направлен святым архиепископом Фаддеем служить в храм села Кунганово Высоковского района Тверской епархии. Священник продолжал ревностно служить, непрестанно при богослужениях проповедуя, но памятуя, насколько пристрастно и подозрительно ОГПУ, от разговоров на политические темы уклонялся.

Однако того, что он дважды арестовывался и ни на следствии, ни в ссылке, ни уже выйдя на свободу, не выказывал ни малейшего раскаяния в выборе священнического служения, было достаточно, чтобы его арестовать вновь. Он был арестован 4 августа 1937 года⁵.

Вызванные сразу после ареста о. Иоанна "дежурные свидетели" по указанию следователя показали, что священник говорил, что советская власть закончится и люди пойдут к Божьему храму с повинной головой; что к священнику в дом ходят люди, что на вопрос, почему к нему не приезжает его матушка, он ответил, что она боится бесов, и он сам ездит к ней в Тверь, а в проповеди в храме говорил, что сейчас в России идет гонение на верующих⁶. 8 августа следователь допросил о. Иоанна.

– Расскажите о вашей контрреволюционной деятельности против советской власти.

– Контрреволюционной деятельности с моей стороны не было. Если были какие разговоры несоветского порядка, то несознательно, но я таких случаев не помню. Иногда у меня были сомнения в правильности проводимой политики советской власти, но я их сам рассеивал. Помню, однажды по радио я слышал, что лен убрали за 60 дней, в то время когда картофель и другие плоды не были убраны, вот это я считал неправильным, но потом подумал, что возможно, лен нужнее.

– Следствие требует от вас правдивых, откровенных показаний о вашей контрреволюционной деятельности.

– Других показаний я дать не могу, так как считаю свои показания правильными. Никакой контрреволюционной работы я не проводил совершенно⁷.

На этом следствие было закончено. 22 августа Тройка НКВД приговорила о. Иоанна к расстрелу⁸. Священник Иоанн Никольский был расстрелян 25 августа 1937 года⁹.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3»
Тверь. 2001. С. 135-137

Примечания

¹ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 4582-С. Л. 4.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 17-18.

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ Там же. Арх. № 21058-С. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Там же. Л. 17.